

The Figure of V. N. Tatishchev in the Elitology of Technogenic Systems

---

Irina Yu. Alekseeva

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: ialexeev[at]inbox.ru ORCID 0000-0002-0514-8237

Abstract

The author of the article examines the scientific and professional activities of V. N. Tatishchev from the standpoint of the elitology of technogenic systems. The basis of this approach is formed with the concepts of elitology by G. K. Ashin and P. L. Kara-buschenko, as well as the concept of technogenic civilization elaborated by V. S. Stein, and the concept of "assembling development subjects" by V. E. Lepsky. The article is focused on the characteristic attitudes of the era of Peter the Great. In modern terms, these attitudes can be interpreted as aimed at ensuring Russia's a worthy place in the technogenic civilization, accelerating development of the national technogenic system and the achievement of technological sovereignty. V. N. Tatishchev's activity is presented as dedicated to the implementation of these attitudes in specific historical conditions. The author of the article seeks to show how Tatishchev's knowledge in engineering and natural science determined (directly and indirectly) his interest in socio-humanitarian topics and scientific approach to historiography. Special attention is paid to Tatishchev's philosophical ideas outlined in "A conversation with a friend about the benefits of sciences and schools." The author shares P. L. Karabushchenko's assessment of V. N. Tatishchev as one of the first philosophers of Enlightenment not only in Russia, but also in the world. The author considers Tatishchev's idea of a prudent state (a prudent society) to be particularly valuable these days. From a philosophical and technological perspective, it appears as the idea of the prudence of a technogenic system that ensures the formation and interaction of scientific, industrial, financial and political elites necessary for the development of sciences and technologies for the benefit of human.

Keywords

V. N. Tatishchev; Peter I; historical elitology; technogenic civilization; technogenic system; elitology of technogenic systems; Enlightenment; Russian Enlightenment; prudent state; prudent society; assembling development subjects.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Фигура В. Н. Татищева в элитологии техногенных систем

Алексеева Ирина Юрьевна

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: ialexeev[at]inbox.ru ORCID 0000-0002-0514-8237

Аннотация

Автор статьи рассматривает научную и служебную деятельность В. Н. Татищева с позиций элитологии техногенных систем. Основой этого варианта элитологического исследования служат концепции элитологии Г. К. Ашина и П. Л. Карабущенко, а также концепция техногенной цивилизации, предложенная В. С. Степиным, и концепция «сборки субъектов развития» В. Е. Лепского. В центре внимания находятся характерные для эпохи Петра I установки, которые, пользуясь современной терминологией, можно назвать направленными на обеспечение достойного места России в техногенной цивилизации, ускоренное развитие национальной техногенной системы и достижение технологического суверенитета. Деятельность В. Н. Татищева представлена как посвященная реализации этих установок в конкретных исторических условиях. Автор стремится показать, каким образом инженерно-технические и естественно-научные знания и занятия Татищева обусловили (непосредственно и опосредованно) его интерес к социо-гуманитарной тематике и научный подход к «историописанию». Особое внимание уделено философским идеям, изложенным в «Разговоре с приятелем о пользе наук и училищах». Автор разделяет данную П. Л. Карабущенко оценку В. Н. Татищева как одного из первых философов Просвещения не только в России, но и в мире. Автор считает особенно актуальной татищевскую идею благоразумного государства (благоразумного общества). В философско-технологическом ракурсе она предстает как идея благоразумия техногенной системы, обеспечивающей формирование и взаимодействие научных, промышленных, финансовых и политических элит, необходимое для развития наук и технологий во благо человека.

Ключевые слова

В. Н. Татищев; Петр I; историческая элитология; техногенная цивилизация; техногенная система; элитология техногенных систем; Просвещение; русское Просвещение; благоразумное государство; благоразумное общество; сборка субъектов развития.

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Фигура Василия Никитича Татищева, одного из членов «ученой дружины» Петра I, замечательного деятеля первой половины XVIII века, не оставалась без внимания ученых-гуманитариев в прошедших и нынешнем столетиях. Из недавно изданных работ, посвященных этой выдающейся личности, следует, несомненно, упомянуть книгу П. Л. Карабущенко «Василий Никитич Татищев (1686–1750): Очерки из русской истории XVIII века» [Карабущенко, 2024]. Жизнь и деятельность В. Н. Татищева рассматривается в этой книге с разных сторон и позиций, в том числе в контексте элитологии. Перспективы элитологического подхода в осмыслении исторического опыта стран и народов определяются, в числе прочего, возможностями сочетания идей и методов элитологии с понятийным аппаратом самых разных концепций, в том числе современных концепций научно-технического развития. Такое сочетание позволяет увидеть в новом свете не только определенные аспекты и моменты прошлого, но также проблемы настоящего и контуры будущего.

Соглашаясь с П. Л. Карабущенко в том, что интеллектуальное наследие В. Н. Татищева до сих пор остается недооцененным, мы предпринимаем попытку рассмотрения идей и деятельности этой замечательной личности XVIII века, используя синтетический инструментарий, включающий концептуальные средства не только элитологии, но также философии науки и техники, и «помещая» фигуру Татищева в контекст теории техногенных систем.

Как известно, В. Н. Татищев был не только автором «Истории Российской», человеком широчайшего кругозора, занимавшимся географией, экономикой, палеонтологией, выдвинувшим интересные философские идеи, но также обладателем военных знаний и опыта, артиллеристом, отправлявшимся Петром I за границу для изучения инженерного дела и выполнявшим при этом поручения как военного, так и дипломатического характера. Татищев, будучи доверенным лицом руководителя Берг-коллегии Я. В. Брюса, занимался организацией казенных металлургических заводов на Урале, был командирован царем в Швецию для изучения горного дела и приглашения в Россию мастеров. В биографии Татищева – работа в Монетной конторе, где он предложил ряд усовершенствований, среди которых были водяные машины, позволившие повысить скорость печатания и качество монет [Карабущенко, 2024, с. 52; Кузьмин, 1987, с. 76]. В 1730 г. Татищев принимал участие в политической борьбе, выступая против власти «верховников» в защиту самодержавных прав Анны Иоановны, в течение нескольких лет был советником новой императрицы, а после направлен в «Оренбургскую экспедицию», имея полномочия от Сената для налаживания отношений с казахскими ханами. В короткий период регентства Анны Леопольдовны Татищев работал в «Калмыцкой комиссии» (центр которой находился в Астрахани), а по восшествии на престол Елизаветы Петровны получил назначение на должность астраханского губер-

натора. Продолжавшееся 4 года губернаторство в Астрахани стало последним периодом государственной службы этого выдающегося человека.

Такое разнообразие занятий и родов деятельности, уложившееся в отрезок менее пяти десятилетий, объясняется механизмами формирования и функционирования элит, характерными для петровской эпохи.

«Историческая элитология, – пишет П. Л. Карабущенко, – всегда обращает пристальное внимание на появление новых «механизмов» в селекции элит, от которых зависит лицо исторической эпохи. И Петровская эпоха привнесла в этот процесс много нового, что впоследствии во многом и обеспечило формирование российской бюрократической системы. Карьера государственного служащего В. Н. Татищева как раз и дает нам прекрасно иллюстрированный пример подобного рода селекционного элитарного отбора» [Карабущенко, 2024, с. 69].

Карабущенко справедливо подчеркивает, что благо российского государства и ценности научного поиска были для Татищева главными жизненными ориентирами, всегда перевешивавшими соображения личной выгоды.

Интерес к фигуре В. Н. Татищева в контексте проблематики научно-технического развития обусловлен тем, что автор «Истории российской», инженер и крупный администратор, был одним из видных участников начатых в эпоху Петра I процессов, которые сегодня можно охарактеризовать как направленные на быстрое вхождение страны в техногенную цивилизацию, возникновение которой принято относить к XVII веку.

Петровская Россия в техногенной цивилизации

Техногенная цивилизация обычно противопоставляется традиционным культурам, ориентированным на обеспечение устойчивости сложившихся общественных структур и образа жизни (которые могли оставаться почти неизменными на протяжении столетий), на сохранение привычных видов и средств деятельности. Изменения неизбежно происходят и в традиционных культурах, однако новаторство не является здесь ценностью, а основные социальные механизмы работают на замедление изменений. Для техногенной цивилизации, напротив, характерно отношение к новому – прежде всего, к новому знанию и технологиям – как к важнейшей ценности, связанной и с практической пользой, и с более широко понимаемым благом.

«Ее характерная черта, – писал о техногенной цивилизации В. С. Степин, – это быстрое изменение техники и технологий благодаря систематическому применению в производстве научных знаний. Следствием такого применения являются технические, а затем и научно-технические революции, меняющие отношение человека к природе и его место в системе производства. По мере развития техногенной цивилизации происходит ускоряющееся обновление «неорганического тела человека», т. е. той искусственно созданной им предметной среды, в которой непосредственно протекает его жизнедеятельность. В

свою очередь, это сопровождается возрастающей динамикой социальных связей, их относительно быстрой трансформацией. Иногда на протяжении жизни одного-двух поколений происходит изменение образа жизни и формирование новых типов личности» [Степин, 1989, с. 3].

Применение общей характеристики техногенной цивилизации к России конца XVII - первой половины XVIII века позволяет оценивать происходившие в это время процессы как способствующие или препятствующие формированию национальной техногенной системы. Очевидно, что эта система создавалась как часть техногенной цивилизации, уже возникшей на западе Европы, и создавалась путями и методами, во многом отличными от тех, что были характерны для английской, французской или немецких систем. В России на первом плане оказывается роль главы государства, который бесцеремонным образом ломает устоявшийся образ жизни как представителей привилегированных сословий, так и всех состоящих на государственной службе. Изменения образа жизни происходят не вследствие развития в стране науки, техники, промышленности, образования и искусства, но как результат выполнения «государевой воли», нередко воспринимаемой обществом как чудачество или самодурство. Беспрецедентные по масштабу усилия центральной власти направляются почти одновременно (по историческим меркам «просто» одновременно) на создание промышленных предприятий, образовательных учреждений и Академии, развитие военного дела, реформы армии, государственного управления, изменение социальных структур, быта и даже внешнего облика людей (обязательность «ношения платья на манер венгерского» была введена специальным царским указом).

На протяжении столетий авторы печатных работ, в том числе профессиональные историки и философы, дают самые разные оценки деятельности и личности Петра. При этом необходимость государственных мер, направленных на развитие промышленного производства, образования и науки, не ставится под сколько-нибудь серьезное сомнение. Особый вопрос – какими должны и могли бы быть в сложившихся исторических условиях эти меры, какой вид могли принять реформы и как менялись бы элиты, окажись во главе государства другая личность, с другим воспитанием, обстоятельствами жизни и обретения власти. При этом вряд ли может быть подвергнута сомнению значимость такого фактора как ограниченность времени, в течение которого стране необходимо было решить труднейшие задачи технологического развития, обусловленные необходимостью защиты от внешних угроз (данный фактор играл ключевую роль и в последующие периоды отечественной истории, весьма важен он и сегодня). Ключевский, подчеркивая, что реформы Петра направлялись условиями времени, писал:

«Война была важнейшим из этих условий. Петр почти не знал мира: весь свой век он воевал с кем-нибудь: то с сестрой, то с Турцией, Швецией, даже с Персией. С осени 1689 г., когда окончилось правление царевны Софьи, из 35 лет его царствования только один 1724-й год прошел вполне мирно, да из

других лет можно набрать не более 13 месяцев. Притом с главными своими врагами, с Турцией и Швецией, Петр воевал не как его предшественники: это были войны коалиционные, союзные» [Ключевский, 2018, с. 781].

Напомним, что расширение союза христианских государств для войны с Османской империей было задачей знаменитого «великого посольства», отправившегося на запад в 1697 г. Как известно, именно эту задачу «посольство» не решило, однако сыграло важную роль в развитии отечественной промышленности, образования и науки. Его цели и результаты во многом определили дальнейшую судьбу страны.

Важной целью посольства был поиск подходящих мастеров и моряков для флота, а также закупка оружия, материалов и инструментов. В состав «посольства», достигавшего 250 человек, входили три десятка волонтеров, чьей задачей было изучение ремесел, кораблестроения и мореплавания. Сам царь, фактически руководивший посольством, но путешествовавший инкогнито под именем Петра Михайлова, побывал в Пруссии, Голландии, Англии, Австрии, ознакомился с фортификацией и артиллерией, осваивал мастерство кораблестроения на верфях, посещал заводы и мастерские, учебные заведения и музеи. Из путешествия были привезены в Россию не только технические изделия, но также знания и их носители. Последними были как поступившие на русскую службу иноземцы, так и русские, узнавшие много полезного за границей.

Пример «посольства» побуждает вспомнить «торговцев светом», или охотников за знаниями из технократической (и наукократической) утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида», написанной в том же XVII веке, за несколько десятилетий до Петрова «великого посольства». В этом незаконченном произведении Бэкон, по праву заслуживший характеристику «певца индустриальной науки», описывает вымышленный остров Бенсалем (называемый также Новой Атлантидой), где наука и техника достигли высот, представлявших фантастическими не только современникам Бэкона, но и людям последующих эпох [Бэкон, 1978, с. 513]. Поскольку земля благословенного острова содержит все, что нужно ее жителям, бенсалемцы едут в чужие края не за золотом, шелками или пряностями, но единственно за «светом знания». Этим занимаются представители элиты – так называемые торговцы светом, самая большая группа работников «Соломонова дома», или «Общества для познания истинной природы всех вещей», послужившего прообразом европейских академий. «Торговцы светом» знакомятся в дальних странах с науками, искусствами, производствами и изобретениями, а домой привозят книги, материалы и описания опытов, различные инструменты и образцы. Все это используется в исследовательской и изобретательской деятельности, поставленной на индустриальную основу и приносящей великолепные результаты.

Независимо от того, были или нет участники «великого посольства» знакомы с произведениями Ф. Бэкона, направленность их действий соответствовала знаменитому лозунгу английского философа «знание – сила»

(“knowledge is power” переводится также как «знание – власть»). С позиций концепции техногенных систем английский «певец индустриальной науки» видится как провозвестник техногенной цивилизации, а русский царь – как глава государства, прилагавший огромные усилия к тому, чтобы частью этой цивилизации стала и его страна. При этом речь шла не о подчиненном положении России, а о ее самостоятельном развитии.

Если бенсалемцы Бэкона скрывали от чужеземцев факт существования своей страны и во время путешествий за «светом» выдавали себя за представителей других наций, то инкогнито Петра было условным – в странах, которые он посетил, прекрасно знали, кого принимают. Участники посольства получали от ученых людей советы, которые, конечно же, различались по ценности и осуществимости. Из идей, что впоследствии были претворены в жизнь, особое значение имела идея создания академии наук и художеств, впервые изложенная выдающимся математиком и философом Г. Лейбницем в записке 1697 г.

В записке, содержание которой Лейбниц стремился донести если не до самого государя, то до царского друга, одного из официальных руководителей «великого посольства» Ф. Я. Лефорта, был представлен в самых общих чертах план «привлечения» в Россию наук и художеств.

«Итак, – писал Лейбниц, вот несколько статей, который заключают в себе все, что необходимо сделать: 1) основать центральное учреждение для наук и художеств; 2) привлечь способных иностранцев; 3) выписать из-за границы такие вещи, которые стоят этого; 4) посылать подданных путешествовать, приняв надлежащие предосторожности; 5) просвещать народ у себя; 6) составить точное описание страны, чтоб узнать ее нужды и 7) доставить ей то, чего ей не достает» [Герье, 1871, с. 14].

Эти соображения будут развиты и конкретизированы в докладе об учреждении Академии, который Лейбниц представит Петру I в 1711 г., а также в ряде посланий. В 1712 г. Петр I в Карлсбаде подпишет указ о принятии Готфрида Вильгельма фон Лейбница на русскую службу в чине тайного юстиц-советника [Корнетов, 2016, с. 124], а в 1724 г. распорядится учредить в Петербурге Академию наук и художеств с включенными в ее состав университетом и гимназией.

Эпоха Петра I – время открытия в России учебных заведений самого разного рода. Это и цифирные школы для элементарного образования, и учебные заведения для профессиональной подготовки – навигацкие и инженерные (в том числе артиллерийско-инженерная) школы, конные школы, хирургическая школа, школа переводчиков и другие. Создавалась новая система образования, предназначенная для подготовки людей, знания и умения которых требуются как для решения военных задач, так и для технологического, промышленного, культурного развития страны.

Ключевский, отмечая, как важны были для Петра «техника военная, народнохозяйственная, финансовая, административная и техническое знание», писал:

«Он хотел не заимствовать с Запада готовые плоды тамошней техники, а усвоить ее, пересадить в Россию самые производства с их главным рычагом – техническим знанием. Мысль, смутно мелькавшая в лучших умах XVII в., о необходимости предварительно поднять производительность народного труда, направив его с помощью технического знания на разработку нетронутых естественных богатств страны, чтобы дать ему возможность вести усиленные государственные тягости, – эта мысль была усвоена и проводилась Петром, как никогда ни прежде, ни после него: здесь он стоит одиноко в нашей истории» [Ключевский, 2018, с. 652-653].

Тезис о такого рода «одиночестве» первого российского императора был верен в начале XX века, когда публиковался цитируемый труд В. О. Ключевского. Однако впереди страну ждали 30-е годы – эпоха советской индустриализации, потребовавшей колоссального напряжения сил и огромных жертв всего народа, в том числе (и отнюдь не в последнюю очередь) представителей разных частей элиты – политической, административной, научно-технической, художественной. Этот период содержит богатейший материал для исторической элитологии в целом и элитологии техногенных систем в частности.

В. Н. Татищев – слуга государства

Возвращаясь к фигуре В. Н. Татищева, отметим, что его деятельность началась в то время, когда ряд важных направлений политики Петра уже определился. Военная служба Василия Татищева пришлась на годы Северной войны. В 1704 г. он был зачислен в драгунский полк, участвовал в сражениях под Нарвой и под Полтавой, получал ранения. Во время Полтавской битвы Татищев был ранен, когда находился недалеко от царя. Много лет спустя, будучи губернатором Астрахани, Татищев вспоминал об этом: «Счастлив был для меня тот день, когда на Поле Полтавском я ранен был подле государя, который сам все распоряжал под ядрами и пулями, и когда по обыкновению своему он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненым за Отечество. Счастлив был тот день...» [Кузьмин, 1987, с. 16]. Татищев участвовал и в Прутском походе, который, как известно, был неудачным для русской армии. Одним из уроков, извлеченных Петром из этой неудачи, связанной, в числе прочего, с изменами иностранных наемников, стало осознание необходимости формирования военной элиты и офицерского корпуса в целом из «природных россиян». В. Н. Татищев получил повышение в чине и был отправлен царем за границу для изучения артиллерии и инженерного дела.

Знатное происхождение человека не гарантировало принадлежности к «петровской элите» – кругу людей, определявших политику государства и выполнявших важные поручения, – но и не исключало такой принадлежности. Татищевы принадлежали к обедневшему роду смоленских князей и находились в дальнем родстве с Прасковьей Салтыковой – женой царя Ивана Романова, брата и соправителя Петра I. В детстве Василий Татищев с братом были

зачислены в стольники этой царицы и провели при дворе несколько лет – до смерти царя Ивана Алексеевича. Не сложись у вдовы Ивана добрые отношения с Петром, не окажись во главе полка, где служил Василий Татищев, достаточно близкий к царю Автоном Иванов, хорошо знавший Алексея Михайловича Татищева, – возможно, достоинства и способности будущего автора «Истории российской» не были бы замечены главой государства. Родство и знакомства всегда играли роль в формировании элит, и роль эта бывала как положительной, так и отрицательной. Что касается Василия Никитича Татищева, то он действительно был человеком одаренным и подготовленным для выполнения тех задач, которые ему поручались.

В домашнее образование, полученное В. Н. Татищевым, входили, судя по всему, начатки инженерных знаний. Отец, Никита Алексеевич Татищев, выполнял работы, требовавшие познаний в области геодезии и фортификации. С артиллерийскими орудиями Василий Татищев познакомился во время военной службы, поскольку эти орудия имел его драгунский полк. Татищев хорошо владел немецким и польским языками, – историки полагают, что обучение этим языкам он прошел в детстве. Широкий кругозор и любознательность, свойственные выдающимся людям эпохи, не позволяли Василию Никитичу замыкаться в рамках технических знаний. В зарубежных поездках он покупал книги не только по артиллерии, фортификации и горному делу, но и по геометрии, оптике, географии, а также по истории и философии.

Большую роль в судьбе Татищева сыграли его отношения Яковом Вилимовичем Брюсом, руководившим артиллерийской службой в русской армии и курировавшим артиллерийскую и инженерную школы. Родившийся в России потомок знатного шотландского рода был, по характеристике Татищева, рачительным «сыскателем пользы» российского государства. Уже после смерти Брюса автор «Истории российской» писал в предисловии («предызвесчении») к труду своей жизни:

«Покойный генерал-фельдмаршал граф Брюс человек елико высокого ума, острого разеуждения и твердой памяти, в науках физики и мафематики довольно искусный, а к пользе российской во всех обстоятельствах ревнительный рачитель и трудолюбивый того сыскатель был, в чем многие обстоятельства свидетельствуют, яко он, будучи из младых лет при его императорском величестве Петре Великом, многие нужные к знанию и пользе государя и государства книги с аглинского и немецкого на российской язык перевел и собственно для употребления его величества геометрию с изрядными украшениями сочинил; но оную свою к России ревность и но себе хотя в памяти оставить, имея немалой цены собранной кабинет древних медалей, манет, руд и других природных и хитросочиненных диковинок мафематических, а наипаче острономических инструментов и в немалом числе книг библиотеку, мимо роднаго племянника, для пользы обсчей в императорскую Академию наук подарил и другие многие государю и государству знатные услуги показал» [Татищев, 1994, с. 88].

По поручению Брюса Татищев подготовил работу по планиметрии (раздел геометрии), начал работу над книгой по механике, занимался инспекцией русской артиллерии в Пруссии, по рекомендации Брюса царь поручал Татищеву составление географических карт России.

В 1719 г. Брюс стал президентом Берг-коллегии, и вскоре Татищев был отправлен на горные заводы Урала в качестве специального уполномоченного. Роль Татищева не ограничивалась информированием властей о положении дел на казенных заводах. Татищев посылает в Берг-коллегию предложения по организации горной промышленности и, получив одобрение ряда таких предложений, сам же их выполняет. В круге вопросов, которыми приходится заниматься Татищеву, – улучшение дорог, разведка полезных ископаемых, учреждение школ, организация военных отрядов для защиты от кочевников, переговоры с башкирскими ханами. В ходе работы на Урале Татищев вступил в конфликт с влиятельными промышленниками Демидовыми, видевшими в казенных заводах своих конкурентов. Следствием конфликта стало судебное разбирательство в Сенате, в конце концов Демидовы были признаны «оболгавшими» Татищева и обязанными выплатить ему большую денежную компенсацию.

Предполагалось, что познания и опыт Татищева в организации горного дела будут использованы во время нахождения в Швеции, с которой по окончании Северной войны установились хорошие отношения. В этой заграничной поездке, куда Василий Никитич отправился по поручению Петра I, следовало ознакомиться с состоянием экономики, в том числе металлургии и производства монеты, подыскать шведских мастеров для работы на российских заводах и при возможности договориться о подготовке на шведских заводах российских мастеров.

После смерти Петра I Брюс был отставлен с поста президента Берг-коллегии, а вернувшийся в Россию Татищев получил назначение в Монетную контору. Здесь Василий Никитич занимается усовершенствованием технологии изготовления монет, в том числе упорядочением системы весов, недостатками которой приводили к тому, что монеты одного и того же достоинства имели разный вес. Следует отметить, что данная проблема существовала во многих европейских странах, и задачей Татищева было не копирование зарубежных образцов, а нахождение собственного решения. Российский администратор изобрел и реализовал метод эталонных гирь; аналогичный метод во Франции был применен только в конце XVIII века. Одним из важных результатов работы в Монетной конторе стала организация изготовления инструментов для улучшенной чеканки монеты, что позволяло проще отличать настоящие деньги от изделий фальшивомонетчиков. Кроме того, Татищев изобрел водяные машины для штамповки денег и руководил работами по постройке плотины и установке штамповочных машин на реке Яузе (проект плотины был выполнен самим Василием Никитичем).

Татищев принял активное участие в политических событиях 1730 года, связанных с передачей русского престола Анне Иоановне. Возможно, родство с новой императрицей сыграло определенную роль в позиции Татищева, – он был одним из авторов знаменитой «челобитной» о восстановлении самодержавия и, более того, зачитал текст этого документа во дворце. Впоследствии Василий Никитич изложил свои политико-философские взгляды в рукописи «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном». В течение нескольких лет Татищев был советником царицы, разрабатывал проект создания «академии ремесел» (не получивший в итоге высочайшего утверждения), проект улучшения денежной системы (реализация этого проекта принесла государству прибыль, а Татищеву – обвинение в злоупотреблениях), проект новой системы образования, который позволил бы более чем в 10 раз увеличить число учащихся при сокращении затрат на содержание учебных заведений.

Когда в 1734 г. Василий Никитич Татищев вновь направляется на Урал – в этот раз с полномочиями гораздо более значительными, чем те, давались ему 15 лет назад (теперь в его функции входит «смотрение» над государственными и частными рудными заводами), он создает «Горный устав», используя, наряду с прочим, свои теоретические исследования в области права. Уточнение географических карт, поиск полезных ископаемых, этнографические исследования, открытие новых школ, строительство в Екатерининске (Екатеринбурге) каменных зданий, создание горного училища, библиотеки, введение новой системы городского управления – все это входит в сферу деятельности начальника «каменного пояса». Стремясь упорядочить отчетность, добиваясь справедливой зарплаты труда, стимулируя обучение детей заводских рабочих, Татищев вызывает недовольство владельцев частных заводов. Теперь это не только Демидовы, но и новые промышленники – Строгановы, Турчаниновы и другие. Препятствуя передаче в частные руки заводов, которые начинают приносить хороший доход государству («приватизации» в XVIII веке), Татищев затрагивает интересы Бирона и других влиятельных лиц.

В 1737 г. Василий Никитич получил чин генерал-поручика и назначение на Южный Урал и Поволжье – на должность главы Киргиз-кайсацкой (Оренбургской) экспедиции, центр которой находился в Самаре. Дипломатический опыт, полученный Татищевым в подготовке переговоров со шведами при Петре I, теперь используется в налаживании отношений с представителями совсем других культур – казахскими ханами и башкирскими старшинами. Глава экспедиции стремится умиротворить бунтующих башкир, убеждает башкирских старшин в преимуществах нахождения под властью российской императрицы, организует коллегиальное управление краем, занимается составлением географических карт, определяет место строительства Оренбурга, открывает первую татаро-калмыцкую школу, поощряет составление российско-татарско-калмыцкого словаря, обретает новых друзей и врагов. Новый донос, смещение с поста и домашний арест, враждебная Татищеву следственная комиссия,

которая не может его обвинить, но и не оправдывает, смерть Анны Иоановны, дворцовый переворот, регентство Анны Леопольдовны и назначение все еще находящегося под следствием чиновника главой Калмыцкой комиссии – новые повороты судьбы одного из членов «ученой дружины» Петра.

В 1741 г. регентша императора-младенца Ивана Антоновича назначает Василия Татищева в Калмыцкую комиссию, где требуется опытный, известный веротерпимостью руководитель, способный улаживать раздоры между калмыцкими ханами, защищать русские и татарские поселения от набегов кочевников, договариваться с казачеством. Прибыв в Астрахань, где находится центр Калмыцкой комиссии, Татищев разворачивает деятельность во всех этих направлениях, и вынужден продолжать эту деятельность при новом назначении, полученном от новой царицы – «дщери Петровой» Елизаветы, пришедшей к власти в результате дворцового переворота.

Менялись цари и царицы на троне, менялся круг приближенных к ним влиятельных лиц, а русский дворянин Василий Татищев, преодолевая усиливающуюся болезнь, продолжал нести службу, заботясь о пользе и благе российского государства. Последний пост Татищева на государевой («государыненной») службе – должность губернатора в обширном Астраханском крае. Конфликты на рыбных промыслах, соперничество между купцами, строительство и оснащение военных судов для каспийской флотилии, отношения с Персией, меры по улучшению судопроизводства, – всем этим занимается астраханский губернатор, и притом шлет в Петербург предложения, касающиеся государственного управления в целом. Практические предложения Татищев обосновывает рассуждениями теоретического характера, и последние сегодня по праву рассматриваются как важные части истории общественно-политической и правовой мысли.

Сенатское следствие по жалобам на «упущения» Татищева завершилось лишь в середине 1745 г. «Наградой» за долгую службу стало отстранение от должностей, взыскание значительной денежной суммы, запрет на въезд в столицу и предписание жить в собственном поместье под надзором. Впрочем, такое окончание карьеры может считаться благополучным для XVIII века, богатого историями государственных деятелей, встречавших смерть в сибирской ссылке, тюремной камере, пыточной Тайной канцелярии или на плахе.

Условия жизни в подмосковном Болдино, где Татищев провел свои последние годы, позволили провести в порядок и завершить научные труды, к которым после смерти автора обращались многие поколения читателей.

Миссия историка

Не напиши Татищев «Истории Российской», «капитального, а самое главное – первого научного труда по отечественной истории» [Карабущенко, 2024, с. 195], возможно, и не вспоминали бы мы сегодня о его инженерной и административной деятельности. Как правило, именно с этим историографи-

ческим трудом («историописанием»), изданным лишь в последней трети XVIII века, связывают наши современники имя Василия Никитича Татищева.

Разногласия между историками по поводу достоверности тех или иных сведений, содержащихся в татищевском сочинении, сохраняются до сих пор. Часто отмечают ограниченность круга источников, которыми пользовался Татищев, указывают на то, что он не использовал в достаточном объеме памятники русской письменности, хранившиеся в монастырях, церковных библиотеках, архивах Сената. Сказанное не означает, что Татищев вовсе не опирался на эти источники, - он собирал информацию о нахождении в разных библиотеках и архивах исторических документов и заказывал переписку последних. Однако значительную часть источников, на которые опирался Татищев, составили такие, которых не было ни в государственных, ни в церковных библиотеках - те исторические документы и сочинения, которые Василий Никитич собирал сам, покупал или копировал у частных лиц, привозил из-за границы.

«Но это обстоятельство, - пишет М. Н. Тихомиров, - придает как раз и особую ценность «Истории Российской», так как некоторые произведения, использованные Татищевым, явно погибли во время пожара в его усадьбе в селе Болдино. Их нельзя отыскать в современных древних хранилищах, в отличие от большинства исторических сочинений, использованных позднее Н. М. Карамзиным, основывавшим свои исследования на государственных архивах и библиотеках. Они погибли для науки безвозвратно, и понятие о них дает лишь «История Российская» [Тихомиров, 1994, с. 41].

В описи библиотеки Татищева указано большое число древних рукописей в немецких и польских переводах, а также переводы с других языков, в том числе с татарского.

Значение научного подхода к истории, предпринятого В. Н. Татищевым, высоко оценивал С. М. Соловьев, указывавший, что именно этот автор «первый начал обрабатывание русской истории, как следовало начать; первый дал понятие о том, как приняться за дело; первый показал, что такое русская история, какие существуют средства для ее изучения; ... собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для позднейших исследований...» [Соловьев, 1995, с. 204].

Есть основания полагать, что отношению Татищева к истории как науке способствовал опыт занятий науками естественными и техническими. В «Предызвестчении о истории общественное и собственно о русской» автор вспоминает, что потребность в исторических исследованиях появилась при выполнении поручения Я. В. Брюса «обстоятельную рускую географию сочинить». Такая «обстоятельная» география должна была включать сведения о происхождении названий тех или иных мест, о народах, населяющих или населявших ранее территории, о том, «как далеко границы в которое время распространились, кто владетели были, когда и каким случаем к России приоб-

счено». Татищев следующим образом характеризует масштабы поиска информации, необходимой для решения этой задачи:

«На сие требовалось обстоятельной русской древней истории, а за недостатком к тому на русском языке необходимо нужно от иностранных и едва не всех знатных языков, яко из Азии арапского, турецкого, персического, татарского и калмыцкого, ...а из европейских греческого, латинского, венгерского, немецкого, шведского и сарматского или финского языков книги весьма нужны были» [Татищев, 1994, с. 88-89].

Однако для написания российской истории было недостаточно иноязычных источников, тем более что многие из них содержали недостоверные сведения. Брюс предоставил Татищеву летопись Нестора, взятую из библиотеки Петра I; начинающий историк сделал копию, которую взял с собой, когда был послан на горные заводы Урала, но там (на Урале или в Западной Сибири?) нашел другую летопись, якобы тоже Несторову, во многом расходящуюся с первой. Ситуация требовала критического отношения к доступным материалам и тщательной работы с ними.

Естественно-научные и технические знания, которыми обладал Татищев, стали одним из факторов, обусловивших командирование его на Урал («в Сибирь») для инспекции рудных заводов. Неожиданным следствием, сыгравшим роль в написании «Истории Российской», стало знакомство и добрые отношения с поселенными в этих краях пленными шведскими офицерами, интересовавшимися историей и географией. Несколько лет спустя Татищев, отправленный Петром I в Швецию с заданием, касающимся горного дела и отчасти политики, встретился с бывшими пленными, уже вернувшимися на родину. Они помогли ему в сборе материалов по русской истории, имевшихся в Швеции в государственных и частных собраниях. К этому времени у Татищева уже был первый опыт написания отечественной истории, с которым познакомились Я. Брюс и Ф. Прокопович.

Хотя, как отмечалось выше, первоначально исторические исследования Татищева были стимулированы необходимостью подготовить порученное ему Брюсом сочинение по географии, «История Российская» стала собственной инициативой автора, миссией, которую он возложил на себя сам. Понимание этой миссии – часть общей концепции разумности и благоразумия, созданной В. Н. Татищевым.

Ценность знания отечественной истории рассматривалась в общем контексте ценности знания о прошлом. Знание о собственном прошлом, о собственной истории, подчеркивает Татищев, необходимо любому человеку, любому общественному организму, любой организации: «...никаков человек, ни един стан, промысл, наука, ниже кое-либо правительство, меньше человек единственный без знания оной совершен, мудр и полезен быть не может» [Татищев, 1994, с. 89]. История – опыт прожитого, виденного, узнаваемого от других, предостерегающий человека от ошибок, дающий примеры разумных действий.

Знание истории необходимо для разумной политики – внутренней («экономии»), внешней и военной, оно помогает предвидеть и планировать будущее: «Для сея то мудрости древние латины короля их Януса з двама лица изобразили, понеже о прешедшем обстоятельно знал и о будусчем из примеров мудро разеуждал» [Татищев, 1994, с. 80]. Для внешней политики особое значение имеет знание истории других государств и народов, для военной – «каким кто устроением или ухисчрением великую неприятельскую силу победил или от победы отвратил и пр.» Татищев убежден, что каждому народу необходимо собственное «историописание», и русские здесь не исключение. Это никоим образом не означает, что нужно игнорировать написанное о собственной стране в других странах, однако следует сознавать и ограниченность источников, имеющих в распоряжении зарубежных авторов, и предвзятость некоторых из «историописателей».

«Но я есче точно и ясно скажу, – заявляет Татищев, – что все европейские преславнейшие историки, сколько бы о русской истории ни трудились, о многих древностях правильно знать и сказать бес чтения наших не могут. ... Наипаче же нуждна сия история не токмо нам, но и всему ученому миру, что чрез нея неприятелей наших, яко польских и других, басни и сусчие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и опровергнутся» [Татищев, 1994, с. 81].

Историописание Татищев сравнивал со строительством дома, которое невозможно без соответствующих материалов, знаний и умений. Строитель должен создать проект дома, для чего необходим «смысл», а историописателю для проекта сочинения – «свободный смысл, к чему наука логики много пользует». Подбирая материалы, строитель должен отделить годные от негодных, гнилые от здоровых, а историописатель – позаботиться о том, чтобы не принять за истину небылицы (для этого полезна «наука критики»). Подобно тому, как всякое строение требует украшения, для всякого сказания необходимо красноречие (чему наставляет наука риторика). Такое сравнение весьма показательно для Татищева, имевшего опыт занятий фортификацией и проектированием плотины.

Воспитательная роль исторического сочинения определяется, по Татищеву, и тем, что оно передает новым поколениям знание о нравах, делах и поступках людей прежних эпох, а также о последствиях этих дел и поступков. Тем, кто был мудр, справедлив, милостив, храбр и верен, воздается честь и слава, они становятся примером для подражания. Что же касается людей порочных, неразумных, бесчестных, скупых, трусливых, то повествование о них служит назиданием для потомства.

Благоразумное просвещение и благоразумное управление

Считается, что предпосылками возникновения техногенной цивилизации послужили появившиеся в древнегреческих полисах формы самоуправления

общества и формы теоретического знания, а также сложившиеся позже христианские представления о человеке как образе и подобии Бога и о способности человеческого разума к познанию бытия.

Упомянутые предпосылки имелись и в русской культуре - одной из наследниц интеллектуальной культуры Древней Греции. С принятием Русью в конце X века христианской веры от Константинополя произведения греческих авторов стали оказывать существенное влияние на формирование умственного строя образованных людей. Наиболее распространенным в русских землях считается славянский перевод книги Иоана Дамаскина «Источник знания», основанной на «Категориях» Аристотеля, самом сложном из трудов древнегреческого философа.

«В эпоху Просвещения, - писал В. С. Степин, - завершилось формирование мировоззренческих установок, определивших последующее развитие техногенной цивилизации. В системе этих установок фиксировалась особая ценность прогресса науки и техники, а также убеждение в принципиальной возможности рациональной организации социальных отношений» [Степин, 1989, с. 7].

Установки Просвещения складывались в России еще в допетровскую эпоху. Примечательно перечисление наук, содержащееся в грамоте царя Федора Алексеевича (старшего брата Петра I) об учреждении в Москве Славяно-греко-латинской академии, которую иногда называют первым русским университетом. В грамоте сказано, что в академии следует изучать «науки гражданские и духовные, начиная от Грамматики, Пиитики, Риторики, Диалектики, Философии разумительной, Естественной и Нравной даже до Богословия, учащей вещей Божественных, и совести очищения» [Амвросий, 1801, с. 517]. В грамоте говорилось также о значении нового учреждения для «благочинного государства управления и защищения», которое невозможно без мудрости как «Царских должностей родительницы и всяких благ изобретательницы и свершительницы» [Амвросий, 1801, с. 520; Алексеев, 2023, с. 42]. Олицетворение - известный прием, использовавшийся применительно к «мудрости» в христианском мире XVII века. Здесь можно вспомнить написанную в начале XVII столетия технократическую (больше известную как коммунистическая) утопию Т. Кампанеллы «Город Солнца, или Идеальная Республика. Политический диалог». Науки в воображаемом городе, наряду с искусствами и ремеслами, находятся в ведении лица, чья должность называется «Мудрость» («Син»), имеющего в подчинении «Астролога», «Космографа», «Геометра», «Историографа», «Поэта», «Логика», «Ритора», «Грамматика», «Медика», «Физика», «Политика», «Моралиста» [Кампанелла, 1971, с. 152-153]. Все эти названия отражали характерные для эпохи представления об основных разделах научного знания.

В ряду представителей раннего русского Просвещения обычно вспоминают авторов, работы которых появляются в 60-80-х годах XVIII века. Это Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, А. Я. Поленов, С. Е. Десницкий и др. Иногда отмечают

наличие некоторых просветительских идей у представителей петровской «ученой дружины» – Феофана Прокоповича, А. Д. Кантемира, В. Н. Татищева. Однако П. Л. Карабущенко называет именно В. Н. Татищева «первым русским философом эпохи Просвещения», и такая характеристика не лишена оснований.

«Мы считаем В. Н. Татищева человеком эпохи Просвещения, – пишет П. Л. Карабущенко. – Но свои философские и научные работы он писал раньше французских просветителей или параллельно с ними. Мы не найдем в его трудах какого-либо влияния Вольтера, Руссо или Дидро. Встречаются ссылки и упоминания Р. Декарта, И. Ньютона, Х. Вольфа, но не классиков западноевропейского просвещения... И между тем дух Просвещения насквозь пронизывает философскую мысль этого российского мыслителя» [Карабущенко, 2024, с. 121].

Принимая во внимание то обстоятельство, что программное философское произведение В. Н. Татищева «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» было написано около 1733 г., а программное произведение французского Просвещения – «О духе законов» Монтескье появилось в 1748 г., можно отчасти согласиться с утверждением Карабущенко, что «эпоха Просвещения во Франции и Германии началась намного позже, чем в России». Однако нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что упомянутый труд Монтескье вышел в свет вскоре после того, как был написан, а «Разговор» Татищева был впервые опубликован много лет спустя после смерти автора, в 1787 г., когда в России уже была мода на французское Просвещение. Вместе с тем, стоит учитывать и то, что другая рукопись Татищева, «Духовная моему сыну», содержащая основные просветительские идеи «Разговора» и написанная в 1734 г., распространялась «в списках». Это значит, что мысли Татищева воспринимались образованными людьми эпохи как достаточно интересные и важные.

Вера в огромные возможности разума как в познании природы, так и в устройении дел человеческих определяет пафос «Разговора двух приятелей о пользе науки и училищах». В древнерусских источниках (значительную часть которых составляют переводы с древнегреческого) разум представал как способность познавать и мыслить, охватывающая способности знания и осознания, наблюдения и созерцания, духовного постижения, мудрости, понимания сути вещей, наставления и вразумления, даже воли и желания [Словарь..., 1995, с. 249]. Для современного русского философского языка значимо проводимое Татищевым различие между «умом» и «разумом». Ум имеют от природы все люди, даже самые глупые, своего рода ум есть и у животных. Отличие разума от «просто ума» Татищев характеризует следующим образом: «Но разум имянуем ум, чрез употребление и поощрение его качеств исправленный, которое от науки приписуется» [Татищев, 1979, с. 55]. Таким образом, разум – это правильный ум, а сделать ум правильным можно благодаря изучению наук и искусств.

«Разумный человек чрез науки и искусство от вкоренившихся в его ум примеров удобнейшую поятность, твердейшую память, острейший смысл и

безпогрешное суждение приобретает, а чрез то всякое благопо-лучие приоб-рести, а вредительное отвратить способнее есть» [Татищев, 1979, с. 83]. Такой человек не станет необдуманно принимать чужие советы, преувеличивать опасности и недооценивать угрозы, он не превозносится в счастии и не впадает в уныние в несчастьи, преодолевает беды и горести, «своим доволь-ствуется, чужого не ищет». Неразумный же, напротив, следует негодным советам, а после разочаровывается, боится того, чего опасаться не стоит, однако не видит настоящих опасностей, «в печали и радости неумерен, в щастьи и нещастьи непостоянен» и больше всего вредит себе сам.

И в XIX, и в XX, и в XXI веке, при всех сложностях и расхождениях в истолковании философами и психологами таких понятий как «ум», «интел-лект», «рассудок», «разум», сохраняет значение «правильность ума» как базовая ценность и предпосылка, во многом определяющая ориентацию исследований. В XX веке в русском философском и психологическом языке термин «ум» было вытеснен термином «интеллект». В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, выпускавшемся в 1990–1907 гг., есть статья «Интеллект», однако все ее содержание заключается в отсылке к статье «Ум». Что же касается статьи «Ум», то здесь выражения «умственная деятельность» и «интеллектуальная деятельность» употребляются как синонимы. Ум характе-ризуется как совокупность процессов восприятия и их интеллектуальной переработки – способность, отличная от изменений в эмоциональной сфере, а также от волевых импульсов. Умственная деятельность понимается как вклю-чающая внимание, ассоциации, память, рассудок, разум, суждение. Уместно вспомнить теорию интеллекта, изложенную в книге выдающегося российского и советского философа и психолога С. Л. Рубинштейна «Основы общей психо-логии», изданной в 1940 г. Интеллект понимается Рубинштейном как сложная способность (аналог «ума как силы души» Татищева), «ядром» которой является способность субъекта выделять в наличной ситуации свойства, связи и отношения, существенные для действия, соответствующего сложившимся условиям. Применение интеллекта рассматривается как мыслительный процесс, характеризующийся направленностью на решение задачи, осознан-ностью (проявляющейся, в частности, в сопоставлении возникающих мыслей с условиями задачи, в проверке мыслей, контроле мыслительного процесса), выполнением интеллектуальных операций анализа, синтеза, обобщения (позволяющих осуществлять переработку данных ощущений и восприятий, расчленять синкретическое единство восприятия, различать случайные совпа-дения и необходимые связи, переходить от единичного к общему, образыва-вать понятия), непосредственной или опосредованной связью с практикой, возможностью осознания ошибки [Рубинштейн, 2021, с. 318; Алексеев, 2021, с. 23]. Идея «правильного ума» актуальна и в контексте современных философ-ских дискуссий, касающихся искусственного интеллекта.

Просвещение, по Татищеву, должно служить основой благоразумия, притом не только благоразумия отдельного человека, но и всего государства.

Перечислив свойства неблагоприятного человека, автор «Разговора» продолжает:

«И хотя сие о единственном человеке говорено, но по сему можешь и о целых народах или государствах рассуждать, особливо, если хочешь обстоятельно знать, прочитай истории древних времен, увидишь многих народов и государств примеры, что от недостатка благоумного рассуждения разорились и погибли, которых память токмо на бумаге осталась. Да почто о других читать, довольно своего государства горесть вспомнить, что после Владимира второго от не-разумия князей и потом по смерти царя Феодора Ивановича до воцарения царя Михайла Феодоровича произошло, что едва имя российское вконец не погибло. ...» [Татищев, 1979, с. 84].

Татищев подчеркивал, что образование («изучение наук») необходимо не только дворянству, но и простым людям. Один из аргументов – потребность государства в «благоумных солдатах». Воин – не механический инструмент, но человек, обладающий умом и волей. Случается, утверждает Татищев, что «от благоумности одного солдата целой армии благополучие или без-опасность зависит».

В числе полезных наук Татищев называл математику (относя к последней не только арифметику, геометрию и механику, но и архитектуру, оптику, акустику и астрономию), историю и географию (особенно полезны для «чающего в знатных услугах быть»), ботанику и анатомию (необходимы для врачей, но полезны для всех), физику и химию. Во всех школах следует преподавать Закон Божий и закон гражданский, дворянским детям нужно учить иностранные языки. Примечательно, что в «Разговоре» поставлен актуальный донныне вопрос о разрыве между теорией и практикой («вижу геодезистов, которые, нарочно для того лет по 10 учася, не умеют по острономии долготы сыскать, рефракции и паралаксиса при наблюдениях вычитать»).

Создание в России Академии при более чем скромных масштабах распространения начального образования – противоречие, которое осознавалось образованными людьми XVII века. Как свидетельствует Татищев, император, учреждая Академию, понимал, что такое противоречие будет иметь место. Татищев вспоминает разговор в Летнем доме Петра, состоявшийся в 2024 году. Тогда будущий президент Академии Блюментрост просил собиравшегося в Швецию Татищева подыскать профессоров для Академии. В ответ «первый русский просветитель» рассмеялся и сказал, что Блюментрост хочет сделать мощную архимедову машину, только поднимать ей будет нечего, да некуда будет и поставить. Имелось в виду, что нет смысла искать учителей, когда не будет учеников, поскольку в России нет нужного количества «нижних» школ. Петр, уже приближавшийся к концу жизни, пояснил свое начинание такой метафорой: чтобы молоть зерно, он строит водяную мельницу и велел начать строительство канала для подведения воды, а достраивать канал и обеспечить поступление воды придется уже наследникам.

Исследователи творчества Татищева уделяют особое внимание такой важной теме «Разговора» как тема естественного закона и данной человеку от рождения свободы. Этот характерный мотив Просвещения представлен у русского дворянина как соответствующий христианскому учению. Татищев различает две ипостаси божественного закона: один, вложенный в человека Богом при сотворении человека, и другой, словесный, переданный Богом и записанный «для сохранения». Первый закон – естественный, другой – «письменный». Эти законы не устанавливаются человеком и не могут быть отменены или изменены людьми. Письменный закон, Библия, принимается не всеми и не повсюду, да и те, кто принимает, толкуют его по-разному. Что же касается естественного закона, то он общий для всех людей, всех стран и народов. По Татищеву, это закон разумной любви к самому себе, предполагающей стремление к истинному, а не притворному благополучию, обуздание «неправильных и непорядочных» желаний. Речь идет не о себялюбии, а о согласии с божественной волей:

«И если только здравым умом по свойству божеской власти и меня самого рассмотрю, то я во всем том, что к нашему истинному благополучию принадлежит, никакой богу противности не обретаю, зане бог есть всевышшее благо, все совершеннейшее вещество и при-том творец человеков, еже мне все свойства того доказуют. И тако не могу иначе мнить, как бог желает человека видеть благополучна, ибо в человеке желание к благополучию безпрекословно от бога вкороненно есть и невозможно мыслить, чтоб такое милостивое существо человека или какую иную тварь на нещастие, сотворил» [Татищев, 1979, с. 116].

Нельзя не заметить связь Татищевского понимания благополучия с Аристотелевой «эвдемонией».

Просвещение немислимо без развития наук, а христианская вера предполагает «просвещение ума человеческого». На вопрос «Какая перемена пришествием всем Христовым в науках явилась?» автор «Разговора» отвечает, ссылаясь на первую главу евангелия от Иоана и пятую главу евангелия от Матфея, подчеркивая при этом значение слова «свет» как корня слова «просвещение». Христос – свет истинный, просвещающий всякого человека, «и свет во тьме светится и тьма его не объят» [Иоанна, гл. 1, ст. 5], Христос оставил апостолам силу просвещения и сказал им «Вы есте свет мира и соль земли» [Матфея, гл. 5, ст. 13 и 14].

Некоторые фрагменты «Разговора» можно оценить как антиклерикальные, однако это вариант антиклерикализма, направленный главным образом против католических иерархов, «архиепископов римских», запрещавших обычным верующим самостоятельное толкование Библии и позволявших использовать только латинские библейские тексты, непонятные для подавляющего большинства христиан. Татищев объясняет такой запрет просвещения властолюбием «пап и их сообщников», стремившихся «содержать народы в темноте», подчинявших себе светских государей и благодаря

этому приобретающих «великие богатства». Татищев представляет русского патриарха Никона как стремившегося к власти, аналогичной папской, и потому справедливо наказанного. В этом контексте меры, предпринятые Петром I для подчинения церкви государству, выглядят вполне оправданными.

Просвещение невозможно без широкого распространения книгопечатания: «тиснение книг великой свет миру открыло и неописанную пользу приносит». Замечая, что «у нас же, как видим, Библия давно переведена» и первым правителем, кто велел ее напечатать, был еще Иван III (а позже такие распоряжения отдавали Алексей Михайлович и Петр I), автор «Разговора» сожалеет, что священнослужители, которым было поручено организовать это, проявили «нерадение».

Татищев – сторонник веротерпимости, он считает, что государство должно предотвращать религиозные распри, устанавливая необходимые для этого законы и обеспечивая исполнение законов. Просвещение – путь к избежанию конфликтов на почве религии:

«Да и распри такие ни от кого более, как от попов для их корыстей, а к тому от суеверных ханжей или несмысленных набожников происходят. Между же людьми умными произойти не могут, понеже умному до веры другого ничто касается и ему равно Лютер ли, Кальвин ли, папист, анабаптист, магометанин или язычник с ним в одном городе живет или с ним торгуется. Ибо не смотрит на веру, но смотрит на его товар, на его поступки и нрав и по тому с ним обхождение» [Татищев, 1979, с. 87].

Это, как поясняет сам Татищев, рассуждение светское, а выражаясь современным языком, можно сказать, что речь в данном случае идет о светской этике, обеспечивающей мирное и плодотворное взаимодействие людей разных вероисповеданий.

Крепостное право – тема, которую не мог обойти вниманием русский просветитель. Татищев не может призывать к скорейшей отмене крепостного права, но не может и признать его соответствующим естественному закону. Утверждая, что «воля по естеству человеку нужна и полезна», «кто воли лишаем, то купно всех благополучий лишается», Татищев поясняет, что речь идет о воле, «с разумом и рассуждением употребляемой», а воля без разума превращается во «вредительное нерассудное своеволие». Пленник, содержащийся в рабстве, естественно хочет освобождения, но и в стремлении к свободе нужно проявлять благоразумие: «ибо если б я был в неволе у разбойников или в плене у неприятеля да дерзнул несравненно моею малою силою им отмщать и себя освободить, то б я сам своей погибели причиною был» [Татищев, 1979, с. 122]. Закрепощение крестьян во время «царства Борисова» Татищев считает мерою неразумной, упоминая, что оно привело к восстанию:

«Например, до царства Борисова в Руссии крестьянство было все вольное, но он слуг, холопей и крестьян зделал крепостными, за которое холоп Пронскаго Боловня, собрав свою братью и крестьянства немалое войско, великие пакости поделал» [1979, с. 125].

Будучи чиновником и помещиком, Татищев призывал заботиться о просвещении и экономическом благосостоянии крестьян. В «Кратких экономических до деревни следующих записках» он говорит о «школах, рукоделье и мастерстве», «о разделении земли», «о ткачах», «о поспешности в работе» и о многих других вещах. Соображения автора по поводу обучения крестьянских детей выглядят удивительно прогрессивными для XVIII века. Предполагается обучение в течение десяти лет – с пятилетнего до пятнадцатилетнего возраста. Первые пять лет мальчиков и девочек следует учить чтению и письму («через что оные придут в познание закона»). Следующие пять лет детей учат разным ремеслам («художествам») – «кузнечному, колесному, бочарному, овчарному, горшечному, коневальному, шерсть бить, войлоки валять, портному, сапожному и всему тому подобному, что крестьянину необходимо иметь надлежит, дабы ни один без рукоделья не был; а особливо зимою оныя могут без тяжкой работы получить свои интересы» [Татищев, 1979, с. 405-406]. Судя по перечисленным ремеслам, в течение второй школьной «пятилетки» предполагается учить только мальчиков. Однако и крестьянки должны владеть рукодельями – ткать холсты и сукна, «уметь хлебы печь добрые», делать сыры и масло.

Представления Татищева об идеальном крестьянском хозяйстве изложены в «Записках» следующим образом: «Каждой крестьянин должен иметь у себя 2 лошадей, 2 вола, 5 коров, 10 овец, 2 свиньи, гусей старых две пары, кур старых 10; а кто будет иметь больше, то заслужит больше себе похвалы и тем докажет доброе свое хозяйство и домоводство» [Татищев, 1979, с. 412].

Сегодня подобная регламентация выглядит и чрезмерной, и наивной, однако характеризует представления «первого русского просветителя» о благотворных результатах распространения образования среди простого народа.

Фигура В. Н. Татищева представляет интерес для разных разделов элитологии и может изучаться в рамках разных подходов. Г. К Ашин в статье «Элитология как российская инновация» подчеркивал отличие элитологии в том виде, в котором она складывается в нашей стране, от более узких направлений, развиваемых за рубежом – «социология элиты», «политические элиты» и т. д. Эти направления могут считаться разделами элитологии как обширной области, изучающей элиту как целостность, сложную систему со всем многообразием частей, элементов, свойств, связей и отношений. Отмечая, что к элите традиционно относят социальную группу, выполняющую функции управления обществом, Ашин обращал особое внимание на проблему несовпадения реальности с «нормативом», с установками служения обществу, которыми должна руководствоваться такая группа. Это расхождение бывает настолько значительным, что правильнее будет называть упомянутую социальную группу не элитой (ведь это слово происходит от французского *élite*, что означает лучшее, отборное), не подлинной элитой, а квазиэлитой, или «и. о. элиты». Однако круг интересов элитологии не ограничивается политической и управленческой элитой, но охватывает также группы людей, обладающих

наибольшим влиянием в разных сферах общества, демонстрирующих высокие достижения в каком-либо виде деятельности, получающих общественное признание. Ашин характеризовал элитологию как «науку о высшей страте в любой системе социальной стратификации, об ее особых функциях, связанных с управлением системой в целом или тех или иных ее подсистем, с выработкой норм и ценностей, которые служат самоподдержанию системы и ее развитию, ориентируют ее на движение в определенном направлении (на совершенствование системы, на ее прогресс» [Ашин, 2011, с. 166].

В зависимости от того, какой срез или какую часть общества принимает во внимание исследователь-элитолог, можно отнести его работу к элитологии науки, элитологии искусства и т. д. Предпринимаемый П. Л. Карабущенко антропологический подход, фокусирующийся на «феномене элитного качества в человеке» [Karabuschenko, 2023, p. 51], может быть понят как дополнение к стратификационному подходу Г. К. Ашина.

Если мы рассматриваем общество как техногенную систему, уместно вести речь о качествах элитарных слоев разных страт и о механизмах взаимодействия этих слоев, обеспечивающих решение задач технологического развития. В работах В. Е. Лепского соответствующая проблематика обсуждается в терминах «сборки субъектов развития» и обеспечения коммуникации между ними [Лепский, 2019, с. 70].

Выводы

Для элитологии техногенных систем, принимающей во внимание национальные техногенные системы как части техногенной цивилизации, Татищев интересен в значительной степени тем, что принадлежал одновременно к разным элитарным группам. Он участвовал в создании национальной техногенной системы как управленец, причем в годы работы на Урале и в Астрахани был одним из наиболее заметных действующих лиц региональной элиты. Занимаясь организацией промышленного производства, Татищев вместе с тем становится ученым-историком, одним из родоначальников гуманитарной науки в России. Он, несомненно, принадлежит к культурной, интеллектуальной элите первой половины XVIII века, причем к элите подлинной, которую Г. К. Ашин справедливо характеризовал как «элиты заслуг, ума, образованности, интеллектуального и морального превосходства, творческого потенциала» [Ашин, 2011, с. 171]. Находящийся в постоянной переписке с Академией Татищев не удостоился стать членом этой организации, однако сделал для российской науки больше, чем многие академики.

Сегодня мы обращаемся к философским идеям Василия Никитича Татищева как к ценному ресурсу, который может быть использован в разработке концепций развития – социального, культурного, технологического. Особую актуальность приобретает идея благоразумного общества, способного правильно оценивать вызовы и угрозы, осознавать возможности, находить пути

реализации творческого потенциала людей, вырабатывать стратегии развития и претворять их в жизнь. Рассматривая общество как техногенную систему, мы имеем основания ставить вопрос о благоразумии техногенной системы, ее способности обеспечивать развитие наук и технологий на благо человека, находить способы оптимального взаимодействия между своими частями, избегать понижения за допустимые пределы степени расхождения элиты «формальной» и элиты подлинной.

Список литературы

- Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Безопасность общества и ценности образования // *Философия и общество*. 2023. №3. С. 36-50. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.02
- Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. М.: Проспект, 2021.
- Амвросий, митрополит. История российской иерархии: ч. 1. Синод. Тип., 1807.
- Ашин Г. К. Элитология как российская инновация // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. №1 (26). С. 162-172.
- Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
- Герье В. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по изданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. М.: Печ. Головина, 1871.
- Кампанелла Т. Город Солнца, или Идеальная Республика. Политический диалог. Утопический роман XVI-XVIII вв. М.: Художественная литература, 1971.
- Карабущенко П. Л. Василий Никитич Татищев (1686-1750): Очерки из русской истории XVIII века. М.: КДУ, Добросвет, 2024.
- Карабущенко П. Л. Элитология креативности: концепция создания добра // *Вопросы элитологии*. 2023. Т. 4. №1. С. 49-66. DOI: 10.46539/elit.v4i1.139
- Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: АСТ, 2018.
- Корнетов Г. Б. Проекты Г. В. Лейбница по распространению в России образования и науки // *Историко-педагогический журнал*. 2016. №4. С. 99-132.
- Кузьмин А. Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1987.
- Лепский В. Е. Стратегическое целеполагание в России: состояние и перспективы развития // *Труды ВЭО России*. 2015. №1. С. 66-80.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Питер, 2021.
- Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 21. М.: Наука, 1995.
- Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII века. Сочинения: в 18 кн. Т. 16. С. 187-259. М.: Мысль, 1995.
- Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопросы философии*. 1989. №10. С. 3-18.
- Татищев В. Н. Избранные произведения. М.: Наука, 1979.
- Татищев В. Н. История Российская. Репринтное воспроизведение текста издания 1962 г. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Ладомир, 1994.

Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». Татищев В. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Ладомир, 1994.

References

- Alekseev A. P., Alekseeva I. Y. The security of society and the values of education // *Philosophy and Society*. 2023. No.3. pp. 36-50. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.02 (in Russian).
- Alekseev A. P., Alekseeva I. Y. The fate of intelligence and the mission of reason: philosophy facing the challenges of the digitalization era. Moscow: Prospekt, 2021. (in Russian).
- Ambrose, Metropolitan. *The History of the Russian hierarchy: Part 1. Synod. Type.*, 1807. (in Russian).
- Ashin G. K. Elitology as a Russian innovation // *The Caspian region: politics, economics, culture*. 2011. No. 1 (26). pp. 162-172. (in Russian).
- Bacon F. *Essays: in 2 volumes. Vol. 2*. Moscow: Mysl, 1978. (in Russian).
- Guerrier V. Leibniz's relations to Russia and Peter the Great according to Leibniz's published papers in the Hanover Library. Moscow: Pechersk Golovin, 1871. (in Russian).
- Campanella T. *The City of the Sun, or the Ideal Republic. Political dialogue. The Utopian novel of the XVI-XVIII centuries*. Moscow: Fiction, 1971. (in Russian).
- Karabushchenko P. L. Vasily Nikitich Tatishchev (1686-1750): Essays from the Russian history of the XVIII century. Moscow: KDU, Dobrosvet, 2024. (in Russian).
- Karabushchenko P. L. The elitology of creativity: the concept of creating goodness // *Issues of Elitology*. 2023. Vol. 4. No. 1. pp. 49-66. DOI: 10.46539/elit.v4i1.139 (in Russian).
- Klyuchevsky V. O. *Course of Russian history*. Moscow: AST, 2018. (in Russian).
- Kornetov G. B. G. V. Leibniz's projects on the dissemination of education and science in Russia // *Historical and pedagogical journal*. 2016. No.4. pp. 99-132. (in Russian).
- Kuzmin A. G. *Tatishchev. M.: Molodaya gvardiya*, 1987. (in Russian).
- Lepsky V. E. Strategic goal setting in Russia: the state and prospects of development // *Proceedings of the VEO of Russia*. 2015. No.1. pp. 66-80. (in Russian).
- Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. Moscow: St. Petersburg, 2021. (in Russian).
- Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries. Issue 21*. Moscow: Nauka, 1995. (in Russian).
- Solovyov S. M. *Writers of Russian history of the XVIII century. Works: in 18 books. Vol. 16*. pp. 187-259. M.: Thought, 1995. (in Russian).
- Stepin V. S. Scientific knowledge and values of technogenic civilization // *Questions of philosophy*. 1989. No. 10. pp. 3-18. (in Russian).
- Tatishchev V. N. *Selected works*. M.: Nauka, 1979. (in Russian).
- Tatishchev V. N. *Russian History. Reprint reproduction of the text of the 1962 edition, Collected works: in 8 vols. Vol. 1*. Moscow: Ladoimir, 1994. (in Russian).
- Tikhomirov M. N. About Russian sources of the "History of the Russian". Tatishchev V. N. *Sobr. op.: in 8 vols. Vol. 1*. Moscow: Ladoimir, 1994. (in Russian).